

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ НЕЗАВИСИМОСТИ АДВОКАТА В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Деятельность адвоката-защитника по реализации конституционного права обвиняемого (подозреваемого) на защиту рассматривается в связи с установленными законом процессуальными гарантиями в уголовном процессе и задачами, стоящими перед правосудием.

Роль защитника в процессе — оказание юридической помощи обвиняемому в охране его прав, интересов и содействие, таким образом, правосудию. Следовательно, приведенная точка зрения о характере взаимоотношений между обвиняемым и его защитником не выражает самого существенного, определяющего процессуальное положение защитника в уголовном судопроизводстве. На практике следование концепции полной процессуальной самостоятельности и независимости защитника от обвиняемого при определении позиции приводит к тому, что некоторые защитники вместо опровержения необоснованного обвинения избирают более легкий путь: не утруждая себя поиском данных, которые подтверждают показания обвиняемого, отрицающего вину, они либо вообще не заявляют никаких ходатайств, либо исходят в своих ходатайствах и жалобах из доказанности вины подзащитного. Вместо того чтобы заявить необоснованное ходатайство о прекращении дела, адвокат ограничивается просьбой об учете тех или иных смягчающих обстоятельств при назначении наказания. Характеристика защитника как самостоятельного участника уголовного процесса никак не отражает его определенной зависимости от обвиняемого, в том числе и при решении вопроса о реализации прав на заявление ходатайств и принесения жалоб. Указанные определения как бы отодвигают на второй план взаимоотношения защитника с обвиняемым, не подчеркивают, что защитник — прежде всего помощник обвиняемого, тогда как именно в этом особенность его процессуального положения, основа его правовых и нравственных отношений с другими участниками судопроизводства.

Вопрос о процессуальном положении адвоката-защитника тесным образом связан с процессуальным положением его подзащитного, т. к. в любой ситуации защитник обязан отстаивать его позицию. В связи с этим вызывает сомнение утверждение о том, что защитник вовсе не обязан во всех случаях считаться с мнением подзащитного.

По сложившейся практике адвокат-защитник должен оказывать юридическую помощь с учетом позиции подзащитного, т. к. в известном смысле защитник является лишь уполномоченным лицом и не вправе занимать позицию, отличную от позиции клиента.

Определяя приоритет интересов подзащитного перед намерением и возможностями защитника, т. е. предоставляя защитнику право осуществлять свою деятельность в объеме делегированных ему подзащитным полномочий, законодатель в целом исходит из того, что деятельность адвоката является производной от позиции клиента. Важнейшей характеристикой процессуального положения защитника в уголовном процессе является его процессуальное равноправие с другими участниками судебного разбирательства. Процессуальное равноправие защитника с другими участниками судебного разбирательства — одно из ярких проявлений судопроизводства, предпосылка всестороннего исследования доказательств по делу, условие, обеспечивающее эффективность осуществляемой адвокатом процессуальной функции защиты.

Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан (ст. 23) раскрывает понятие процессуального равноправия. Закон предусматривает равенство прав участников судебного разбирательства «по представлению доказательств, участию в исследовании доказательств и заявлению ходатайств».

Специфика осуществляемых различными участниками уголовного процесса процессуальных функций обуславливает определенную их направленность, различие в характере их полномочий и обязанностей по использованию отдельных процессуальных средств.

Равноправие сторон, закрепленное в ст. 23 УПК Республики Казахстан, в полной мере не обеспечивает принцип состязательности сторон, закрепленный в качестве приоритетных принципов нашего законодательства, т. к. данная статья регламентирует равноправие сторон только на судебной стадии. Равноправие сторон на стадии предварительного расследования заменено расширенными правами защитника. В итоге складывается ситуация, когда все участники процесса разделены на стороны, но они неравноправны, ибо о равноправии, наделении полномочиями на предварительном следствии следователя как стороны обвинения и, например, защитника в законе ничего не говорится¹.

Выявление процессуального положения любого участника уголовного производства предполагает определение его места среди других субъектов уголовно-процессуальной деятельности и степени процессуальной самостоятельности, исходя из тех прав и обязанностей, которыми он наделен его законодателем.

Таким образом, правовая защищенность адвоката при осуществлении им функций защиты взаимобусловлена независимостью его деятельности и полномочиями государства в уголовном судопроизводстве.

Право самостоятельной подачи жалоб и ходатайств широко использовалось адвокатами и зачастую приводило к положительным для подзащитного результатам. Особенно это практиковалось в случаях, когда осужденные по ряду причин отказывались от подачи апелляционной (кассационной) и надзорной жалоб, а адвокат самостоятельно обжаловал приговор, что приводило к смягчению участи подзащитного.

Думается, что включение в Уголовно-процессуальный кодекс нормы, лишаящей защитника возможности самостоятельного обжалования процессуальных действий, хотя и согласуется с приоритетом прав доверителя, в то же время не способствует выполнению обязанностей защитника по оказанию подзащитному всесторонней юридической помощи. Таким образом, с учетом изложенного можно сделать вывод, что процессуальная независимость адвоката не означает его независимость от воли подзащитного.

Вместе с тем в процессе исполнения профессиональных обязанностей необходимо воздерживаться от необоснованных требований подзащитного.

На самом деле это далеко не так. Во-первых, адвокаты крайне неохотно вступают в дела, по которым защита уже кем-то осуществлялась. Это вызвано тем, что у вступающего на ранних стадиях уголовного процесса защитника и обвиняемого уже складываются определенные отношения, они совместно вырабатывают приемлемую линию поведения, определяют линию защиты и т. д. При таких обстоятельствах привлечение нового защитника, как правило, воспринимается более болезненно, в связи с чем как обвиняемый, так и защитник воздерживаются от демаршей в отношении друг друга, и насильственное внедрение другого адвоката в таких случаях совершенно нежелательно.

Во-вторых, профессиональные защитники достаточно хорошо знают, что замены адвоката требуют зачастую так называемые «тяжелые» клиенты, проще говоря, лица, склонные к мелочным придиркам и сутяжничеству, что, естественно, не является стимулом для работы с ними.

В-третьих, в адвокатской, как и в медицинской, практике действует особое правило: «Не навреди». Поэтому нередко вновь вступающий в дело адвокат, проанализировав работу, сделанную его предшественником, приходит к выводу, что не владеет в полной мере какими-то данными, доступными предыдущему защитнику, и понимает, что не сможет оказать юридическую помощь в том объеме, в каком это задумывалось его коллегой. В таких случаях вступление вновь назначенного защитника в дело также является нежелательным как для адвоката, так и для его клиента.

В-четвертых, профессиональные защитники принимают все меры к тому, чтобы неукоснительно соблюдать требования Закона РК «Об адвокатской деятельности», в соответствии с которым адвокат не вправе отказаться от принятого поручения по уголовному делу и в случае неправомерного, с точки зрения подзащитного или самого адвоката, приговора обязан обжаловать его в установленном порядке.

Складывающаяся за последние годы практика адвокатской деятельности подтверждает правильность и убедительность взгляда на процессуальное положение защитника как самостоятельного участника процесса, равноправного субъекта исследования и оценки доказательств. Это видно также из того, что основная масса защитников выступает со своей принципиальной позицией, независимо от встречающихся незаконных и недобросовестных притязаний подзащитного. Известный исследователь русской адвокатуры прошлого века К. К. Арсеньев в этой связи отмечал, что «адвокат должен быть самостоятельным деятелем, а не послушным орудием в руках клиента; цель его — способствовать осуществлению правосудия, а не поддерживать, во что бы то ни стало, всякого рода требования и возражения»².

«Связанность защитника с подзащитным никогда не выступает как абсолютная. Конечно, согласованность позиционной линии — одно из необходимых условий эффективности защиты. Но требование позиционной согласованности не следует понимать как требование обязательной солидарности. Именно такое требование солидарности, во что бы то ни стало, неизбежно превращающее защитника (в соответствующих случаях) в слугу обвиняемого (подсудимого), содержится в оспаривании возможности позиционного расхождения между защитником и подзащитным при непризнании вины последним»³.

Таким образом, процессуальная независимость адвоката-защитника в уголовном процессе соотносима с самостоятельностью клиента в выборе процессуальной позиции последнего, но не связана в выборе способов и методов осуществления защиты.

¹ Жамиева Р., Каиржанов Е. Тактика адвокатской защиты по уголовным делам. — Алматы, 2000. — С. 17.

² Арсеньев К. К. Заметки о русской адвокатуре. — СПб., 1875. — С. 178.

³ Элькин П. С. Право обвиняемого на защиту в советском уголовном процессе. — Л., 1967. — С. 39.

Түйін

Мақалада қылмыстық сот жүргізу ісінде қорғаушы дербестігінің кейбір мәселелері қарастырылады.

Resume

In the article examined some questions of independence of advocate in a criminal trial.